

М А Э С Т Р О

Перелистывая страницы сборника «Архитектурные школы Москвы» (Педагоги и выпускники 1918–1999), я ищу среди выпускников МАРХИ разных лет знакомые фамилии.

Неожиданно в голове возникает вопрос: сколько же народа училось в институте и закончило его, а вот интересно, сколько же из них состоялись как архитекторы, а сколько ушли в безвестность.

Любопытно также, каков процент среди архитекторов людей, ставших знаменитыми в своей профессии. Не архитектурных чиновников, а настоящих мастеров архитектуры. Этот процент оказывается при моем, безусловно, субъективном подсчете, невысок. Вероятно, это естественно, так как в любом виде искусства шедевров подряд много не бывает. Не может быть и много профессиональных звезд. А что касается гениев, то их вообще можно пересчитать по пальцам одной руки.

Среди выпускников МАРХИ 1950 года вижу фамилию Покровский.

Вот уж кого можно причислить к мастерам экстра-класса.

Бытует мнение, что талантливый человек талантлив во всем. Да, такое, как

известно, бывает. Вероятно «во всем» — это преувеличение, но наряду с выдающимися качествами в своей основной профессии он может обладать недюжинными способностями еще в нескольких областях различных видов деятельности. Иногда даже непонятно, почему судьба вывела его на тот путь, а не на соседний, на котором он, может быть, добился бы еще больших успехов. Но, как известно, история не терпит сослагательных наклонений. Пути наши определены свыше и у каждого своя, что называется, карма.

Среди архитекторов Игорь Александрович Покровский был, безусловно, выдающейся личностью. С моей точки зрения, зодчий № 1. Кроме этого, он обладал даром прекрасного живописца. Его акварели всегда меня восхищали. Я у него выпрашивал хотя бы одну, но так и не допросился. Вероятно, это справедливо, так как это не просто акварель архитектора, который в свободное время в Суханове что-то пишет, а шедевры, и место им не в качестве домашнего украшения на стенке, а в музее.

На этой странице я не берусь описывать его достижения в архитектуре и в живописи. Здесь мне хотелось бы рассказать о его человеческих качествах и о той роли, которую он сыграл в том, что самодеятельные ансамбли «Кохинор» и «Рейсшинка» прошли по пути признания, популярности в течение полувека и вошли в историю российской архитектуры.

И здесь много говорить не придется.

Он был, безусловно, лидером, ему беспрекословно подчинялись и с ним не спорили.

А вот интересно, почему?

Он не был тираном или капризным скандалистом, переполненным амбициями. Наоборот, он был интеллигентен, доброжелателен и ироничен. Его любимая поговорка в обсуждениях содержания программ была: «Я человек

принципиальный, поэтому мне все равно!» Но все понимали, что это шутка. Ничего ему не было, как говорят «до лампочки». А интуиция его никогда не подводила. Слушались его беспрекословно. А не слушались бы, то ансамбли не достигли бы такого исполнительского уровня, качества содержания и зрительского успеха.

После сорокалетнего юбилея ансамблей, продолженного трагическими утратами лучших солистов, Игорь Александрович забросил хор.

Еще раз можно было бы спросить: «Почему?»

На этот вопрос он отвечал так же с иронией цитатой из анекдота: «Умерла, так умерла!»

Он не предвещал провала, он лишь предостерегал, говоря, что всегда и отовсюду, а особенно со сцены, нужно уходить вовремя — на пике славы, как вратарь Лев Иванович Яшин. Его, к сожалению, не послушались. И вот здесь мне бы хотелось бы закончить воспоминания о нем, так как для этих воспоминаний нужен другой формат — не газета, а книга.

А те, кто его не послушались, люди, безусловно, очень активные. Еще несколько лет они продолжали это дело. Годы пролетели незаметно. В этом году, как вы знаете, исполнилось ансамблям 50 лет. Из них 10 лет без руководства Покровским, а потом и без Сашки Хейфеца и уже совсем без «маэстро».

Но очень хотелось тряхнуть напоследок «потертыми штанами». И я думаю, что получилось. Ибо слава ансамблей такова, что им достаточно выйти на сцену и стоять молча. А зал будет им аплодировать.

Юрий Мурзин
Рисунок автора.

